

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Н73

Naomi Novik
SPINNING SILVER

Copyright © 2018 by Temeraire LLC
This translation is published by arrangement with Del Rey, an
imprint of Random House, a division of Penguin Random
House LLC
Illustration by Tara O'Shea

Новик, Наоми.

Н73 Зимнее серебро / Наоми Новик ; [пер. с англ.
А. Л. Сагаловой]. — Москва : Эксмо, 2019. —
640 с. — (Young Adult. Фэнтези-бестселлеры).

ISBN 978-5-04-091943-7

Зима в Литвасе давно затянулась и, кажется, не собирается уходить, сея повсюду болезни и голод. И только сильные и храбрые могут противостоять жестокому холоду и злу, которое принесла с собой стужа. Но ни Ирина, ни Мирьем, ни Ванда никогда себя такими не считали. Три девушки с разными судьбами, из разных сословий — но всех их объединяет одно: в их дом пришла беда. Мирьем и ее семье грозит жестокий король Зимояров, владыка загадочного опасного народа. Ванду хочет погубить ее же отец. А Ирине прочат выйти замуж за огненного демона, который пожирает всех и вся на своем пути. Но когда опасность нависает над теми, кого они любят, все трое принимают вызов. Невидимые нити свяжут три судьбы — и так у девушек появится шанс спасти друг друга.

Наоми Новик — лауреат Мифопоэтической премии и Британской премии фэнтези, обладатель премий Nebula и Locus. Роман «Зимнее серебро» стал бестселлером New York Times и заслужил восторженные отзывы критиков и читателей в разных странах.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Сагалова А.Л., перевод
на русский язык, 2019
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-091943-7

Глава 1

Сказки — это сказки, а по-настоящему все не так уж распрекрасно. По-настоящему какая-нибудь мельникова дочка-златовласка желает заполучить себе в мужья герцога, или князя, или хоть сыночка богатого папаши. Она идет к заимодавцу, берет у него денег на колечко с ожерельем и прихорашивается к празднику. Если она и впрямь красотка, герцог, или князь, или богатейский сынок охотно с ней потанцует, а потом они вдвоем прогуляются в дальний закуток сеновала. Ну и дальше герцог, князь или кто он там едет домой, а дома семейка уже поджидает его с богатой невестой. На ней-то он и женится. А разобиженная мельникова златовласка объявляет на весь свет, что заимодавец, мол, стакнулся с самим дьяволом. И тут уж вся деревня готова на заимодавца накинуться, а то и камнями побить. Девице же только и остается, что приберечь драгоценности для приданого да

поскорее выскочить замуж за кузнеца, пока живот не слишком видно.

Сказки — они на самом-то деле о том, что долг платежом красен. А все эти истории про «жили они долго и счастливо» — это так, ерунда. Я-то знаю, как оно бывает. Потому что мой отец был заимодавцем.

По правде сказать, в этом деле мастер он был невеликий. Если кто не возвращал нам деньги вовремя, отец об этом даже не заикался. Но рано или поздно в кладовой становилось вовсе шаром покати и башмаки начинали просить каши. И тогда мама, дождавшись, когда я уйду спать, что-то тихонько говорила отцу. Он нехотя плелся к заемщикам, стучался в разные двери и чуть ли не умолял вернуть то, что они у нас взяли. А если в доме вдруг заводились деньги и кто-то являлся, чтобы одолжиться, отец ненавидел отказывать. Хотя нам самим-то едва хватало. Так что все его деньги — впрочем, по большей части это были мамины деньги, из ее приданого — уплывали в чьи-то чужие руки. И все вокруг были довольны — а лучше постыдились бы! — и трезвонили всякое о моем отце направо и налево, даже меня не стесняясь. Или нарочно, чтобы я слышала.

Отец моей матери тоже был заимодавцем, только очень хорошим. Жил он в Вышне, милях в сорока по старому торговому тракту. Тракт этот, весь в колдобинах, тянулся от одной деревни к другой словно веревка с грязными узелками. Мама часто брала меня с собой к деду, если у нас находилось несколько пенни заплатить за

провоз бродячему торговцу. Мы устраивались на задке его повозки или саней и ехали — раз пять или шесть приходилось пересаживаться. Иногда по пути меж деревьев мелькала другая дорога — та, что принадлежала Зимоярам. Она блестела, как заснеженный речной косогор под зимним солнцем. «Не смотри, Мирьем», — всегда говорила мне мама, но я все равно краешком глаза подглядывала и пыталась запомнить. Потому что, кто бы ни вез нас с мамой, он всегда в этом месте стегал лошадей и погонял их, пока Зимоярова дорога не скрывалась из виду.

Однажды мы услышали позади стук копыт, точно лед трескался, — кто-то съехал с Зимояровой дороги. Наш торговец хлестнул лошадей, и те припустили что было мочи к ближайшему укрытию. Повозка встала за деревом, а мы съезились внутри среди тюков, и мама обхватила мне голову рукой, чтобы я не подглядывала. Всадники проскакали мимо не останавливаясь — что им повозка бедного жестянщика с котелками да кастрюлями? Зимояры охотятся только за золотом. Нестройный перестук копыт стих вдали, а нас как ножом полоснуло резким порывом ветра. Когда я выпрямилась, оказалось, что моя тощая косичка вся заледенела, и прикрывавший меня мамин рукав, и наши спины тоже. Но мороз мигом спал, и жестянщик говорит маме: «Ну, отдохнули — и будет, пора в путь». Он вроде бы и не помнил, почему мы остановились.

Мама ему в ответ: «Верно», — и кивает, и тоже будто бы позабыла, зачем мы ждали среди де-

ревьев. Жестянщик забрался на козлы, цокнул лошадям, и мы поехали дальше. Я в ту пору была уже не такая маленькая, поэтому кое-что запомнила. Но, правда, и не слишком большая, и потому мне было не до Зимояров: куда больше меня заботили кусачий холод и ноющий голод. Мне не терпелось добраться до города и очутиться в дедушкином доме, и я помалкивала. А то ляпнешь что-нибудь невпопад — и снова придется останавливаться.

Бабушка всегда припасала для меня новое платье: совсем простого кроя и уныло-бурого цвета. Зато теплое и сшитое на совесть. И каждую зиму меня ждала новенькая пара кожаных башмаков — без заплаток и трещин по краям, и они мне не жали. Бабушка кормила меня до отвала трижды в день, и в наш последний вечер она неизменно пекла творожный пирог — ее особенный творожный пирог, весь такой золотистый снаружи, а внутри белый, и рассыпчатый, и сытный. На вкус он немножко отдавал яблоками, а сверху бабушка клала для красоты сладкие золотые изюмины. Я не спеша смаковала каждую крошечку — а мне всегда доставался кусок шире моей ладони. И после творожного пирога меня укладывали спать наверху, в просторной уютной спальне, где мама с сестрами спали в детстве. Я ложилась на мамину узкую кровать — деревянную, изукрашенную резными голубками. А мама садилась со своей мамой возле камина и клала голову ей на плечо. Они не разговаривали, но когда я чуточку повзрослела и перестала засыпать в первую же минуту, я смотрела на них и

видела, что на щеках у обеих в отсветах камина блестят слезы.

Мы ведь всякий раз могли остаться. В дедушкином доме нам хватило бы места, и тут нам были бы рады. Но мы всегда уезжали назад, домой, потому что любили отца. С деньгами он обращаться не умел, зато был бесконечно добр и ласков и старался, как мог, загладить свои неудачи: он день-деньской торчал в холодном лесу, пытаясь раздобыть еды и дров. А дома он брался за что угодно, лишь бы помочь маме. Никакой женской работы не гнушался. Когда мы ходили голодные, отец голодал пуще всех нас; он все время подсовывал свою еду к нам на тарелки. И вечерами у очага он никогда не сидел без дела — все время что-то выстругивал и вырезал: то новую игрушку для меня, то узор какой-нибудь на стуле, то деревянную ложку.

Но очень уж долгими и безотрадными были зимы. Сколько я себя помнила, каждый новый год был хуже прошлого. У нашего городка стен не было, да и названия-то по большому счету тоже. Одни говорили, что наш город зовется Пакел, потому что он возле дороги. Но другие на них шикали и цыкали: слово «дорога» им не нравилось, напоминало, что мы живем возле Зимяровой дороги. И они утверждали, что имя города — Павис, потому что стоит он на берегу реки. Однако нанести наш городишко на карту так никто и не удосужился, поэтому спор закончился ничем. А меж собой мы называли наш город просто «город». Он располагался в трети пути из Вышни в Минаск; в месте, где дорогу с вос-

тока на запад пересекала небольшая речка. Так что путников у нас привечали, да и рынок всегда был полон товара, что привозили крестьяне на лодках. Правда, больше похвастаться нам было нечем. Знать нами особо не интересовалась, да и царь в Корони тоже. Я долго не могла сообразить, кому же мы платим подати, пока случайно в дедушкином доме не услышала, что герцог Вышни гневается, поскольку доход с нашего городка падает год от года. Холода подкрадывались из леса все раньше и раньше, губили наш урожай.

В год, когда мне минуло шестнадцать, нагрянули Зимояры. Они пришли на исходе осени, в последнюю неделю, когда зима уже стояла на пороге. Их рыцари, бывало, рыскали тут в погоне за золотом. У нас частенько рассказывали: будто бы блеснет что-то, а потом рядом лежит покойник, и что там блестело, толком никто не помнит. За последние семь лет зимы сделались свирепее, а Зимояры — ненасытнее. Еще не все листья упали с деревьев, а Зимояры уже сошли со своей дороги и напустились на богатый монастырь, всего в каком-то десятке миль от нас. Перебили дюжину монахов, выкрали золотые подсвечники, и золотую чашу, и все иконы, писанные золотом. И все это золото утащили в свое неведомое королевство — туда, куда ведет их дорога.

Ушли они — и земля промерзла до самого основания, и с тех пор каждый день из леса, не утихая, дул пронизывающий ветер и кружил вихрями колкий снег. Наш маленький домик стоял на

отшибе, на самой окраине городка. Никакие стены, кроме наших собственных, не защищали нас, и от холодного ветра мы делались еще тоньше и голоднее, дрожали еще сильнее. Отец придумывал отговорку за отговоркой, лишь бы избежать ненавистной ему работы. Но мама надела на него как следует, и он по-честному отправился за деньгами. Вернулся с жалкой пригоршней монет и произнес, будто оправдываясь:

— Очень уж скверная зима. Плохая зима для всех нас.

Небось те, кого он просил вернуть деньги, и не подумали оправдываться и извиняться. На следующий день я шла к пекарю с караваем и слышала болтовню женщин — тех самых, кто у нас одалживался. Они как ни в чем не бывало судачили, чего накупят на рынке да какой закатят пир на весь мир. Зимний солнцеворот был на носу. Им всем хотелось чего-то вкусенького на столе, чего-то особенного на праздник. На их праздник.

Моего отца они и на порог не пускали, он возвращался несолоно хлебавши. Зато их яркие окна отбрасывали отсветы на снег; изо всех щелей тянуло жареным мясом, а я брела к пекарю, несла ему потертый пенни в уплату за грубый пригоревший каравай, который вовсе не был моим караваем. Я замесила и принесла ему другой, но он отдал его кому-то еще, а мне достался тот, что похуже. Дома мама сварила пустую капустную похлебку, а остатки масла, на котором готовила, аккуратно собрала в лампу, чтобы на третий праздничный день у нас был свет. Мама

трудилась, а сама все время кашляла. И снова налетел тот ледяной ветер из леса, пробрался в водосток и в каждую щелочку нашей обветшалой хибарки. Только мы зажгли лампу, как порыв ветра взял и задул ее. Тогда отец сказал:

— Ну что ж, возможно, это знак, что всем пора спать.

Зажигать лампу заново мы не стали — масло у нас было на исходе.

На восьмой день маму так измучил кашель, что у нее уже не было сил подняться с постели.

— Она скоро поправится, — уверял отец, избегая моего взгляда. — Скоро уйдет эта стужа. Уже и так холода затянулись.

Он выстрегивал деревянные свечи — маленькие тонкие палочки. Мы их жгли вместо лампы, потому что прошлой ночью ушли последние капли масла. Никакого праздника огней в нашем доме не ожидалось.

Отец вышел на двор насобирать еще хоть немного дров, а то в ящике возле очага уже почти ничего не осталось.

— Мирьем! — хрипло окликнула меня мама, когда дверь за ним закрылась. Я протянула ей чашку слабенького чая с остатками меда, что соскребла со стенок горшка. Больше мне нечего было ей дать. Мама отпила чуть-чуть, опять откинулась на подушки и сказала: — Я хочу, чтобы ты отправилась в дом моего отца, когда пройдет зима. Пускай твой отец отведет тебя.

Когда мы в последний раз навещали дедушку, в один из вечеров собрались на ужин мамыны сестры с мужьями и детьми. Все они носили пла-

тя из добротной шерсти, а в прихожей висели их подбитые мехом плащи, на руках у них были кольца и золотые браслеты. И они смеялись и пели, а в доме было так тепло — и это в разгар зимы! Мы ели свежий хлеб, и жареного цыпленка, и золотистый дымящийся супчик — такой наваристый и с солью, — и я вдыхала его запах. Когда мама заговорила, на меня словно повеяло тем теплом, и я отчаянно затосковала по нему, стискивая окоченевшие руки. Я, маленькая нищенка, отправлюсь в тот теплый дом, а отец останется тут один, и мамино золото навеки осядет в карманах наших соседей.

Я крепко сжала губы, поцеловала маму в лоб и велела ей отдыхать. Мама забылась тревожным сном, а я открыла сундук возле очага. В этом сундуке отец держал свою учетную книгу, где записывал, кто и сколько ему должен. Я вытащила книгу, достала стертое перо, намешала чернил из золы и приступила к списку. Дочь заимодавца — пусть даже неважного заимодавца — кое-что смыслит в цифрах. Я выписывала и подсчитывала, выписывала и подсчитывала проценты, и время, и все мелкие выплаты, которые вносились как попало. Мой отец каждую такую выплату аккуратно записывал. Он так прилежно и старательно вел дела со всеми нашими заемщиками, а вот они ради него не старались нисколечко. Покончив со списком, я вытащила из сумки свое вязание, закуталась в шаль и вышла из дома в холодное утро.

Я обошла все дома, где у нас одалживались, я стучалась в каждый. Мамин кашель поднял нас

на ноги ни свет ни заря, поэтому час был ранний, совсем ранний. Еще даже светать не начало. И все наши заемщики еще сидели дома. Мужчины выходили на стук и изумленно таращились на меня, а я говорила холодным и непреклонным тоном:

— Я пришла взыскать ваш долг.

Они, конечно, пытались меня прогнать. Некоторые смеялись. Олег-возчик сжал огромные кулачищи, уперся ими в бока и уставился на меня, а его жена с беличьим личиком склонилась над очагом и беспокойно постреливала глазками в мою сторону. Кайюс брал у нас займы два золотых еще за год до моего рождения и с тех пор сколотил себе порядочное состояние на продаже крупника — свой крупник он варил в больших медных котлах, купленных на наши деньги. Так вот Кайюс при виде меня разулыбался.

— Заходи, погреешься, — пригласил он.

Но я не желала греться. Я вставала на каждом пороге, вынимала список и сообщала, что каждый из них взял много, а вернул мало, и с него причитаются проценты.

Они начинали вздохнуть оправдываться и спорить, а некоторые даже кричали. На меня в жизни никто не кричал: ни мама с ее тихим голосом, ни мягкосердечный отец. Но внутри меня родилась какая-то горечь. Какая-то часть зимы словно угнездилась в моем сердце: то ли мамин кашель, то ли сказка, которую я много раз слышала на городской площади — о девушке, которую чужое золото сделало королевой. И ту девушку

ничуть не заботило, что долг платежом красен. Я стояла на пороге у должников и не двигалась с места. Мои цифры не обманывали — я это знала, и заемщики это знали. Я ждала, пока они закончат кричать, и спрашивала:

— У вас есть деньги?

Этому вопросу они радовались. Думали, что подловили меня. Конечно, нет, отвечали они, откуда у нас столько денег?

— Тогда заплатите мне немного сейчас и будете выплачивать каждую неделю, покуда не погасите долг, — заявляла я. — И проценты вы тоже заплатите. Иначе я пошлю за своим дедом, а уж он найдет на вас управу по закону.

Наши соседи путешествовали мало. Они знали, что отец моей матери богат и живет где-то в Вышне, в роскошном доме, и у него одалживаются рыцари, а по слухам, так даже и кое-кто из знати. Поэтому они скрепя сердце давали мне немного, в иных домах всего несколько пенни, но, так или иначе, в каждом доме мне хоть что-то давали. Я позволяла рассчитываться товарами: двадцать локтей¹ теплого темно-красного сукна, сосуд с маслом, две дюжины хороших длинных свечей из белого воска, новый кухонный нож, только от кузнеца. Цены для всего этого добра я выставляла по-честному — как если бы заемщики продавали все это на рынке. Я вписывала новые цифры напротив их имен и обещала зайти на следующей неделе.

---

¹ Локоть равен приблизительно 0,5 м. (Здесь и далее прим. перевод.)